

Очерк истории Публичной библиотеки в конце войны

Известно, что в начале Великой Отечественной войны наиболее ценные рукописи из фонда читального зала Публичной библиотеки, а также основного фонда кабинета краеведения (всего около 10000 экземпляров) были эвакуированы и хранились на станции Вонгуда Кировской ж/д. В 1943 году они были переданы Наркопросу, а далее рассеялись по библиотекам различных организаций и после войны, несмотря на протесты Публичной библиотеки, в фонды не вернулись (1, л. 27). Вдобавок множество томов было вывезено в Финляндию, а книги, оставшиеся в Петрозаводске, погибли при пожаре в 1941 году. Таким образом, книжный фонд пришлось восстанавливать практически с нуля.

Здание на ул. Луначарского, 2

Архивные документы, относящиеся к 1944-1945 годам, оставляют странное ощущение очень плотного времени, когда обычная зима вмещала целую эпоху. Особенно это касается документов рукописных – черновики, писем. В данном случае понятие энергетического следа давно ушедших событий, а главное – переживаний, отнюдь не метафора. Причем есть документы «мертвые» и «живые». Последние до сих пор дышат, заражают эмоциями...

Холодны распечатки Центрального научно-методического кабинета политпросветработ Наркомпроса РСФСР, которые, очевидно, рассылались в массовом порядке по всем библиотекам страны в 1944 году. Рассылку мотивировала политика жесткой централизации, когда сценарий любого тематического вечера писался в Москве и спускался по вертикали на места, достигая самых глухих уголков. С одной стороны, такие сценарии облегчали работу библиотечных сотрудников, когда нужно было просто придерживаться плана рекомендованной литературы и готовых лозунгов. Например, для подготовки вечера по теме «Молодежь в Великой Отечественной войне» рекомендовали конкретные отрывки из поэмы М.Светлова «Двадцать восемь» и М.Олигер «Зоя», рассказ А.Толстого «Катя», стихи Н.Верховского и некоторых других советских авторов (Там же, л. 2). Еще шла война. Назад в Москву отправлялись отчеты о выполнении социалистических обязательств по проведению вечеров и бесед... Вроде ничего принципиально плохого нет в этих указаниях, и все же они свидетельствуют о том, что в конце сороковых годов человек советский успел унифицироваться, отдельная личность растворилась в единой народной массе, которая жила, подчиняясь указаниям Москвы, вне учета местной специфики, не говоря уже об индивидуальной воле...

Методические указания предваряла цитата из речи тов. Сталина: «Нужно, чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и четко, как хороший часовой механизм». Эта мысль развивала известную ленинскую идею о «колесиках и винтиках», и на практике, пожалуй, действительно успешно воплощалась. Помимо цитаты из речи Сталина, по всем учреждениям культуры была разослана еще и выдержка из речи М.И. Калинина, предваряющая Методическое письмо о работе библиотеки с интеллигенцией:

«Мы хотим деревню, ее культуру, ее людей сделать городскими, культурными, иначе говоря, чтобы их культура, быт равнялись городским. Разве мы можем все это сделать без науки, без высокой техники? Советская интеллигенция должна помочь населению колхозной деревни в овладении научными знаниями. В повышении общей культуры» (Там же, л. 31).

Параллельно государством ставилась задача «обеспеченности изб-читален дровами и керосином» (Там же, л. 55), гораздо более реальная и насущная на тот момент, хотя в сороковых и городские дома отапливались дровами, а население периодически отзывалось на сплав и лесозаготовки. Повышенное внимание, которое советская власть наконец уделила интеллигенции, на деле вылилось в абсурдные рекомендации, когда на библиотеки и др. учреждения культуры была возложена даже обязанность «подготовки трудящихся по нормам ГТО» (Там же, л. 51). Вот уж нашли на кого свалить! Существовали методические указания даже по тому поводу, как правильно читать газету:

«Для того чтобы хорошо провести читку, надо внимательно подготовиться к чтению каждого абзаца. Необходимо установить последовательность чтения в каждом отдельном случае, чтобы не читать просто то, что попадет на глаза... Очень важным материалом в газете является передовая статья...» (Там же, л. 47).

Итак, несмотря на то, что война все еще продолжалась, в ноябре 1944 года штат Республиканской Государственной Публичной библиотеки был наполовину укомплектован – в количестве 20 человек (2, л. 1), и библиотека открылась в здании бывшего Дворца пионеров по адресу: Луначарского, 2 (сейчас там находится больница). Библиотеке было выделено всего три комнаты. В составе библиотеки предполагались отделы:

1. комплектования
2. обработки и каталогизации
3. научно-библиографический
4. обслуживания читателей (читальный зал)
5. национальной литературы
6. детский отдел
7. хозяйственный отдел и бухгалтерия
8. специальный фонд
9. отдел общего фонда

На деле все сотрудники помещались в тех же трех комнатах бывшего Дворца пионеров. В те годы Публичная библиотека была скорее государственным хранилищем и на дом книг не выдавала. Правом получения книг на дом пользовались только члены правительства – народные комиссары КФССР и депутаты Верховного Совета КФССР, если они проживали в Петрозаводске (З, л. 2) Заведовала библиотекой Татьяна Федоровна Мартянова. В конце 1944 года сотрудникам библиотеки полагались следующие оклады:

Директор – 1200
Зам. по научной работе – 1000
Библиотекарь – 600
Бухгалтер – 450
Секретарь-машинистка – 300
Уборщица – 120
Истопник – 150 (Там же, л. 1)

Параллельно существовала еще и система снабжения граждан продовольственными товарами по категориям. Сотрудники библиотеки относились в основном к третьей и четвертой категориям снабжения, т.е. к работникам невысокой ценности в условиях военного времени. Что касается снабжения промышленными товарами, этот вопрос иллюстрирует письмо Т. Ф. Мартяновой депутату Верховного совета Г. Н. Куприянову:

«Не можем похвастать и вниманием Зарецкого Райторга по вопросу снабжения нашего коллектива промтоварами. Как всегда обходят, говоря: «Снабжаем промышленные предприятия, приносящие пользу...» (7, л. 32).

Очевидно, ответ райторга – прямое цитирование. Вряд ли работники торговли были знакомы со словами М.И. Калинина. А если что и слышали, то их это никак не касалось.

В конце 1944- начале 1945 года в библиотеку поступала литература, возвращенная из Финляндии, а также из эвакуации. В январе 1945 года получили книг:

На финском языке из архива НКВД – 1023 кн.
Возвращено из эвакуации – 200
Из Финляндии – 11860
Из бибколлектора – 18
Итого 13000 книг (4, л. 14)

Также Госфонд литературы выделил 25000 томов для пополнения книжных фондов библиотеки (З, л. 9).

За неимением стеллажей, шкафов и пр. мебели, большинство книжных пачек так и не было вскрыто, то же касается и новых поступлений из Книжной палаты. Вдобавок сотрудников периодически вызывали на заготовку дров, лесосплав, перевозку мебели, а также переборку картофеля в городских овощехранилищах (Там же, л. 44). При этом руководство библиотеки вынуждено было отчитываться о причинах невыполнения плана:

«Одной из главных причин невыполнения годового плана было отсутствие библиотечных кадров. Брать на работу приходилось людей, которые совершенно не знают библиотечного дела. Это вызывает много брака в работе, была также и текучесть кадров в связи с окончанием войны. Условия труда были очень тяжелыми. Низкая температура помещения отдела задерживала норму выработки. Руки замерзали, работники должны были отогревать их у печки. Частые аварии были с электричеством, особенно в декабре. Приходилось работать только при дневном свете с 10 утра до 4 вечера. А так как помещение отдела находится на первом этаже, и окна лишь частично заклеены и частично забиты фанерой, то работали и днем, напрягая зрение, работали не при нормальном дневном свете» (Там же).

Сотрудники библиотеки отвлекались и на прочие работы по городу, никак не связанные с основной деятельностью. В ноябре 1945 г. в библиотеку пришло, к примеру, следующее требование: *«Директору Публичной библиотеки Исполком Зарецкого райсовета депутатов трудящихся на основании постановления СНК КФССР от 3 ноября 1945 г. (...) о учете скота на 1 января 1946 г. предлагает вам выделить гр. Хеглунд для проведения подворового обхода с 1 января по 5 января 1946 года с сохранением полученной зарплаты.*

Председатель Исполкома Зарецкого райсовета

Антохин» (Там же, л. 43)

Между тем найти квалифицированные кадры библиотекарей было очень непросто. Объявления о вакансиях периодически появлялись в республиканской прессе:

«Государственной библиотеке требуются на постоянную работу главные библиотекари. Главный библиограф, зав. читальным залом, редактор, художник. Уборщица» (1, л. 32).

Это объявление вышло в газете 7 декабря 1945 г., откликов пришло множество, в т.ч. от лиц с образованием 5 классов. Постоянное место работы давало надежду на получение какого-либо жилья, а в библиотеке положение с жильем было аховое. Так, 10 августа 1945 года Т. Ф. Мартыановой предложено в трехдневный срок освободить занимаемую ею квартиру, потому что из эвакуации вернулась бывшая хозяйка. По той же причине судебные приставы выселили еще четырех работников, и они оказались буквально на улице.

«Помимо перечисленных, нуждается в квартире Грошников В. В. – мать воина, погибшего за родину. В течение 6 месяцев не может вернуться в свою комнату, в которой жила до войны и которая занята складом НКВД, и она вынуждена жить в комнатухе без печки в здании библиотеки. В помещении библиотеки также размещены Андриянова, Венустова, Будник, Ниеминен. Библиотека не имеет жилплощади, кроме 3 комнат на Промышленной улице, арендованных в доме Наркомпроса, но и туда вселиться не имеют возможности, т.к. в доме нет стекол» (Там же, л. 14).

Остается добавить, что нуждающихся работников все-таки поселили на Промышленной улице, но через некоторое время выселили и оттуда из-за простого ведомственного крючкотворства. Это еще раз подтверждает то, что пожелание М. И. Калинина о возросшем внимании к интеллигенции никакого отклика в реальности не находило. Насколько же разнится действительное положение вещей с казенными фразами, спущенными из Москвы для исполнения! Вот, например, к празднику 8 марта 1945 года библиотеке было предложено провести выставки по темам:

Жены и дети фронтовиков окружены всенародной заботой.

Фашизм – злейший враг советской женщины.

Женщина – могучая сила в борьбе против немецко-фашистских захватчиков (Там же, л. 62)

Что касается женщины как могучей силы, то женщина могуча и в бытовых условиях, и на культурном фронте, который требует порой не меньшего мужества. И сотрудники Публичной библиотеки его проявили в полной мере. Несмотря на ужасающие условия труда и быта, в 1945 году Публичная библиотека установила связи по МБА со следующими библиотеками:

1. Государственной библиотекой СССР им. Ленина
2. Государственной Публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
3. Научной библиотекой при Саратовском Гос. Университете им. Чернышевского (Саратов)

А это означает, что мирная жизнь восстанавливалась, и люди стремились читать, повышать свой образовательный уровень (пусть не прозвучит казенно). В каких же условиях занимались посетители читального зала в 1945 году, если в помещении был всего один общий стол, за которым им приходилось тесниться, а книги были разложены на полу и на подоконниках вне всякой системы, и чтобы найти нужную, приходилось буквально перелопачивать горы! И все-таки сквозь машинопись отчетных листов пробивается солнце.

«Читальный зал. Сведения по работе с читателями.

Количество читателей на 20 мая 1945 года – 394.

Из них:

Рабочих – 28, педагогов – 44, научных работников – 11, инженерно-технических работников – 23, военнослужащих – 37, студентов и учащихся – 201, прочих – 50. Членов и кандидатов в члены ВКП (б) – 46. Членов и кандидатов в члены ВЛКСМ – 93.

Читаемость:

1. Абрамов В.Н. – военнослужащий, беспартийный (авиационное и автомобильное дело)
 2. Харитонов В.Л. – уполномоченный госпиталя (социально-экономическая литература)
 3. Ибадов М.И. – кандидат ВКП (б), инженер (научная литература)
 4. Фрейдлинг К.В. – агроном (справочная литература)
 5. Геращенко С.З. – майор, ВКП (б), военнослужащий (специально-экономическая литература, философия)
 6. Цвабель Г.И. – пианист (иностранная литература)
- В основном спрос на справочную, социально-экономическую, научную и техническую литературу...» (4, л. 9)*

А вот список самых активных читателей 1945 года:

Заленский С.М. – синоптик, 52 книг
Дмитриенко Я.П. – капитан, 12 книг
Кудрявцев А.И. – инструктор ЦК ВКП (б), 20 книг
Федосеев Ф.В. – капитан, 25 книг
Федоров Н.О. – радист, 56 книг
Соколиков Н.Р. – подполковник, 37 книг
Фридман Г.Л. – артист, 28 книг
Покровский – журналист, 32 книги
Желтоносова М.П. – инструктор, 22 книг
Луговской – 60 книг
Рождественский – инженер, 12 книг (Там же, л. 66)

Очевидно, каждого читателя сотрудники знали в лицо. Да это и немудрено, когда вся жизнь протекала в трех комнатах бывшего Дворца пионеров. Радует, что за работу по восстановлению фонда Государственной Публичной библиотеки КФСР в 1945 году следующие сотрудники были представлены на получение медали «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»:

*Беляковская Ермиония Иосифовна 1886 г.р., гл. библиотекарь
Венустова Мария Ивановна 1903 г.р., зам. директора библиотеки по научной работе
Кренева Екатерина Ивановна 1913 г.р., зав. читальным залом
Мартьянова Т.Ф. 1911 г.р., директор библиотеки (Там же, л. 23-24).*

Интересно, возникло ли после войны у людей особое ощущение жизни, себя и друг друга? Вряд ли это ощущение можно назвать избранностью, тогда это слово имело скорее отрицательную эмоциональную окраску, и все же это были люди, которым удалось проскочить сквозь мясорубку, почему-то именно им. Как они чувствовали себя, прислушивались ли к дыханию – своему и чужому? Подкатывало ли к ним особое ощущение бытия: я есть, я здесь? Я не винтик большого часового механизма, я сам себе человек... Что-то такое проскальзывает в запросах, которые после войны люди направляли в различные инстанции в поисках друг друга. Что-то большое, глубинное, как будто мир четко разделился на мир живых и мертвых. И тот, потаенный мир мертвых, сделался столь же реален и густонаселен...

*«Директору Карельской Республиканской библиотеки КФСР
от бывшей работницы Демидовой Прасковьи Ивановны
Нижайше прошу Вас сообщить мне (если представляется к этому возможность), работает ли кто из бывших работников
вверенной Вам библиотеки, как то:
Мартьянова Т.Ф., Попова В.И., Грошникова В.В. и Суханова Зинаида Ивановна. Много возникает сомнений насчет того,
живы они или нет.
18 февраля 1945 г.» (Там же, Л. 13)*

Сейчас мы можем ответить Прасковье Ивановны, что двое из ее списка – Т. Ф. Мартьянова и В. В. Грошникова точно живы. А вот Зинаида Ивановна Суханова погибла при сопровождении баржи в эвакуацию в 1941 году. И так это странно, что нам теперь это известно, а Прасковье Ивановне до сих пор – нет. Еще одно трогательное до слез письмо переслали в публичную библиотеку из Наркомата Образования КФСР. Это письмо написали бойцы воинской части, расквартированной за границей:

«Уважаемый товарищ Нарком!

Бойцы, сержанты и офицеры воинской части Полевая почта 46157 прошли славный боевой путь по полям сражений от Сталинграда до Берлина, от Волги до Эльбы, уничтожая на всем пути немецкие орды. (...) Сейчас мы находимся далеко за пределами любимой Родины, на чужой земле. Среди чужих людей. Единственная связь с малой родиной – это радио и письма. Но этого мало. Мы хотим, чтобы мы не чувствовали оторванности от своей Родины, мы хотим учиться и всей душой быть вместе с советским народом.

У нас очень мало политической литературы. Нет Истории ВКП (б), трудов Ленина, Сталина. У нас совсем нет художественной литературы. И если появится какая-нибудь маленькая книжка – мы перечитываем ее по несколько раз и бережем ее как самое драгоценное в нашей жизни. Мы решили на общем собрании обратиться к Вам с просьбой оказать нам помощь в этом большом вопросе.

Простите, что мы отрываем Вас от большой государственной деятельности, но нужда заставила нас обратиться к Вам, и мы надеемся, что Вы из Ваших возможностей окажете нам хоть небольшую помощь.

Расходы, связанные с пересылкой литературы, мы, конечно, оплатим.

Еще раз надеемся на ваше великодушие и заботу о воинах Красной Армии, находящихся за границей.

С гвардейским приветом по поручению собрания:

(Всего десять подписей).

24 октября 1941 года» (Там же, л. 34)

В декабре 1945 года Публичная библиотека отправила бойцам посылку, которое сопровождало следующее письмо:

«Дорогие товарищи гвардейцы!

Государственная Публичная библиотека КФСР посылает вам очень скромный подарок – посылочку книг.

К сожалению, художественной литературы не можем выслать за исключением нескольких книг, т.к. библиотека не богата ею. Наша библиотека была разрушена врагами до основания в 1941 году, и все книжное богатство сгорело. (...)

Просим извинить, если вы ожидали более ценных книг, и мы не оправдали ваших надежд.

12. декабря 1945» (Там же, л. 35)

Что за книжки были в той посылке? Наверное, сейчас это и не так уж важно. Главное, что сотрудники Публичной библиотеки, ютившиеся вместе с читателями за одним столом, прочли, что для кого-то самым драгоценным в жизни является книга и что иногда человек понимает это, только лишившись возможности чтения...

Примерно на той же ноте написано письмо читателя Фирсова, опубликованное в газете «Ленинское знамя» 3 июля 1945 года. Вероятно, Фирсов составлял его в соавторстве с сотрудниками библиотеки: в деле есть черновик письма, исправления в который внесены другими чернилами, равно как и приведенные цифры посещаемости, которые простой читатель никак не мог знать. Итак, Фирсов пишет:

«Библиотечному делу в нашей стране уделяется исключительное внимание. Ряд последних решений партии и правительства, предусматривающих развитие библиотечной сети и улучшения работы библиотек – яркое тому свидетельство.

Однако иначе смотрят на это руководители культурного фронта К-Ф республики. (...) Иначе чем объяснить этот прискорбный факт, что К-Ф республика по сей день не имеет своего книгохранилища, а в столице республики (...) отсутствует научный библиотечный центр с широким доступом читателей. (...) За короткий промежуток времени

библиотека сменила два помещения. На днях предстоит третий переезд. При этом каждый раз библиотека получает помещение хуже, чем имеет...

С конца декабря 1944 года по апрель 1945 года библиотекой обслужено до 800 читателей, выдано свыше 5000 томов книг и выполнено около 200 разнообразных библиографических справок.

Читатель библиотеки канд. педагогич. наук Фирсов». (Там же, лл. 52-53)

Руины здания библиотеки на Пушкинской, 8. 1944

Переезды, о которых пишет Фирсов, случились в течение 1945 года, когда библиотеке выделили две комнаты в здании Дошкольного техникума на окраине города, это положение не спасло, напротив: фонд библиотеки оказался разбит надвое. В 1945 году на жалобы трудящихся в газету обращали пристальное внимание, поэтому после письма Фирсова вопрос с помещением для библиотеки сдвинулся с места, однако мытарства продолжались еще несколько лет.